

Каждое раннее утро, когда небо только-только светлело, они предавались медитации прямо среди деревьев, регулируя дыхание и впитывая духовную энергию. Днями они сидели неподвижно, каждая крупца их существа питалась сокровищами, добытыми в тайном мире, а их тела постепенно сливались с духовной силой и артефактами. Ближе к вечеру все вместе неторопливо прогуливались по горам, любясь плывущими облаками, слушая шепот ветра в кронах деревьев и наслаждаясь звонким щебетанием птиц.

В тот день после полудня погода стояла великолепная, а легкий ветер приятно освежал. Несколько человек, как обычно, неспешно шли по лесу, одновременно привыкая к своим сокровищам и тихо беседуя друг с другом. Атмосфера царила легкая и уютная.

Никто и предположить не мог...

Внезапно из глубины густого леса поблизости раздался резкий, пронзительный крик о помощи, полный спешки, паники и ужаса.

Мирные дни рухнули в один миг.

— Спасите! Помогите мне! — истощный, полный страха голос в мгновение ока разорвал лесную тишину.

Он спугнул птиц, устроившихся на ветвях, и в ту же секунду разрушил неторопливую и безмятежную атмосферу, в которой только что пребывали все пятеро.

Лица Цин У и остальных вмиг посуровели. Расслабленная аура вокруг них рассеялась в тот же миг, сменившись закаленной годами бдительности и непоколебимым спокойствием. Переглянувшись, они тут же бросились на зов о помощи, стремительно направляясь в глубь чащи.

Обогнув густую рощу с раскидистыми ветвями, они на мгновение замедлили шаги — открывшаяся перед ними картина заставила их замереть.

В грязи сидела девушка с порванной одеждой и растрепанной прической. Ее лицо было покрыто слезами и пылью, она вся дрожала от страха, и даже кончики ее пальцев не переставали трястись. А за ее спиной несколько крепких, свирепых на вид амбалов с дубинками в руках неумолимо сокращали расстояние, в их глазах плескалась нескрываемая наглость и жадность.

— Какая шпана посмела явиться сюда? Не лезьте не в свое дело! — сурово рявкнул главный амбал, чей тон был наглым и властным. — Мы положили глаз на эту девчонку, так что проваливайте по-хорошему, пока целы, а не то отделаем всех вас!

Заметив отряд Цин У, девушка словно ухватила за последнюю соломинку посреди

бескрайней тьмы. Она изо всех сил поползла к ним, изваяв подол платья в грязи. Ее голос срывался на всхлипывания, а в словах звучала отчаянная мольба:

— Умоляю вас... спасите меня, они хотят меня схватить, мне так страшно... мне правда очень страшно...

Сердце Хуа Чжао мгновенно растаяло. Она бессознательно придвинулась ближе к Цин У, а в ее чистых глазах промелькнула легкая боль за незнакомку.

Цин У опустил взгляд и мягко похлопал ее по тыльной стороне ладони, успокаивая. Когда же он снова поднял голову, его взор был мягким, но в нем читалась твердость, не терпящая посягательств. Шагнув вперед, он надежно заслонил испуганную девушку спиной. Его голос звучал спокойно, но каждое слово было наполнено силой:

— Среди бела дня силой похищать слабую девушку... неужели в ваших глазах не осталось ни капли совести и правил?

— Совесть? Правила? — амбал разразился зловещим смехом, глядя на них с полнейшим презрением. — В этих краях правила — это мы! Раз уж вы так жаждете смерти, оставайтесь здесь все до единого!

Едва смолкли эти слова, он яростно взмахнул рукой, приказывая подручным идти в атаку.

Брови Су Цинъя слегка изогнулись в холодном выражении. Не сказав ни слова, она сделала полшага вперед, преграждая путь остальным.

На ее запястье мелькнул холодный свет — там материализовался Кнут, Заковывающий Душу Морозным Инеем, добытый в тайном мире. Темно-синий морозный туман мгновенно разлился вокруг, и земля под ногами на глазах покрылась тонким слоем ледяной корки. От ее ауры веяло жутким устрашением.

Пространственная духовная энергия вокруг Гу Юньхао легко задрожала, а сам он излучал непоколебимую, подобную горе устойчивость. Он отдал тихий приказ:

— Чжиюй, защити Хуа Чжао и эту девушку.

Вэнь Чжиюй тут же кивнул. Нефритовое Перо, Воплощающее Дух легко взметнулось на его кончиках пальцев, и вокруг заструилось белоснежное сияние, готовое в любой момент развернуть защитную формацию.

Исход был предreshен с самого начала.

Эти люди были всего лишь грубыми головорезами, полагавшимися на физическую силу. Разве могли они тягаться с адептами секты, только что прошедшими суровую школу древнего тайного мира, каждый из которых добыл великие сокровища, а их духовная сила возросла многократно?

Всего за несколько мгновений бой подошел к концу.

Мягкие, но решительные движения ладоней Цин У попадали точно в цель с каждым ударом, филигранно обезвреживая врагов; пространственная мощь Гу Юньхао придавила противников так, что те не могли даже пошевелиться; холод Су Цинъя вмиг сковал их конечности онемением; а брошенные Вэнь Чжичуем талисманы вспыхнули ярким светом, заставив нападавших отступить наотмашь.

Буквально за мгновение вся банда была полностью разгромлена. Напуганные до полусмерти, злодеи с воплями бросились наутек, катясь и спотыкаясь, и уже не смели даже оглянуться.

Кризис миновал.

Вэнь Чжичуй неторопливо опустился на колени и мягко поддержал испуганную девушку. Его голос звучал ласково и нежно, подобно весеннему ветерку, утешая ее:

— Не бойся, они ушли. Ты в безопасности, и больше никто не причинит тебе вреда.

Девушка залилась слезами, ее тело все еще не переставало дрожать. Рывками и всхлипывая, она поведала им всю историю.

Ее звали А Хэ. Она собиралась на прогулку со своей лучшей подругой А Лянь, но в последнее время та стала вести себя странно. А Лянь не только ходила как в тумане, но и специально привела ее в этот глухой угол леса, после чего неестественно и жестко стала выпроваживать ее одну, словно отчаянно пытаясь прогнать.

Она никогда раньше со мной так не поступала... У меня такое чувство, что с ней что-то случилось, — А Хэ вытирала слезы, ее голос прерывался. — Перед уходом она сказала, что будет ждать меня под вон тем старым вязом.

Гу Юньхао с первого взгляда раскусил этот подвох. Его лицо слегка помрачнело, и он произнес:

— Она не злилась на тебя и тем более не отрекалась от тебя. Она защищала тебя, боялась втянуть в неприятности, поэтому и была вынуждена казаться холодной.

Су Цинъя приподняла холодные брови и беспристрастно бросила:

— Мы пойдем с тобой.

Не говоря больше ни слова, они окружили А Хэ защитным кольцом и вместе направились к старому вязу.

Стоило им приблизиться, как в лицо повеяло странной, зловещей, леденящей душу тяжестью. Запах повис на кончиках носов, отчего сердце тревожно сжалось без всякой на то причины.

Когда они разглядели одинокую фигуру под деревом, все разом замерли.

Ярко-красное свадебное платье бросалось в глаза своей пугающей алой пестротой на фоне буйной зелени леса. Лицо было скрыто под вуалью. Девушка неподвижно стояла под деревом, прекрасная пугающей и в то же время до боли щемящей сердце красотой.

— А Лянь! — выдохнула А Хэ.

Дрожа, она подбежала ближе и нежными пальцами приподняла тяжелую красную вуаль.

Под покрывалом открылось бледное, лишенное всяких признаков жизни лицо. Ее покрасневшие глазницы были залиты безмолвными слезами, которые уже намочили воротник.

В ее глазах, обычно таких живых и ласковых, теперь застыл лишь осколочный страх, безысходность и беспомощность. Ни единой искорки света.

— Почему ты вырядилась так... что вообще произошло? — А Хэ захлебывалась слезами, ее сердце сжималось от боли.

А Лянь больше не могла сдерживать накопившуюся обиду и ужас. Она бросилась в объятия подруги и горько зарыдала, слово за словом выкладывая всю правду о том, что ей пришлось пережить.

Она осиротела в раннем возрасте, и бессовестные родственники воспользовались этим, чтобы захватить всё ее наследство, но им и этого показалось мало. Теперь они решили насильно выдать ее замуж за местного буйного и пользующегося дурной славой холостяка — лишь бы получить выкуп за невесту и справить свадьбу собственному сыну.

Тот мужчина славился своей жестокостью. Всех девушек, которых он забирал силой, ждала жуткая, невыносимая жизнь, хуже смерти.

Она не смела подвергать подругу опасности, поэтому была вынуждена изобразить равнодушие и чуждость, отчаянно прогоняя А Хэ прочь лишь ради того, чтобы та осталась цела.

Как только правда раскрылась, на душе у всех стало тяжелее.

Родственники, которые всё это время тайком следили за ними в надежде схватить обеих девочек разом, видя, что их замысел полностью провалился, сорвали личины и с оскалом повыскакивали из усадебных засадок:

— Раз уж вы всё увидели, живыми отсюда не уйдете! Останетесь здесь все!

В тот же миг...

Кнут, Заковывающий Душу Морозным Инеем на запястье Су Цинъя рассек воздух, и холодная волна покатилась во все стороны, сковав руки и ноги нападавших;

Гу Юньхао взмахнул рукой, разрывая пустоту, и пространственная мощь придавила всю площадку целиком, лишив негодяев возможности сделать хоть шаг;

Нефритовое Перо Вэнь Чжиюя легко коснулось земли, и тихонько развернулась Формация Воплощения Духа. Окутывающее сияние запер врагов на месте;

А Цин У надежно прикрыл собой Хуа Чжао, сохраняя холодный взгляд и абсолютное внутреннее спокойствие.

Не прошло и минуты, как все злодеи были полностью обезврежены и лишены всякой возможности сопротивляться.

Под угрозой расправы они наконец во всем признались:

В заброшенном и мрачном старом особняке на окраине деревни было заперто еще много невинных девушек, с которыми поступили точно так же, как с А Лянь, — похитили, продали и насильно принуждали к браку.

Пятеро переглянулись. Лишних слов не требовалось — каждый из них уже принял такое же решение.

Они тут же отправились в путь к заброшенному поместью, чтобы спасти несчастных.

Когда ветхая деревянная дверь с противным скрипом медленно отворилась, на вошедших уставилось множество оцепенелых, полных отчаяния, страха и мертвенной тусклости глаз. Это зрелище заставило сердца всех присутствующих сжаться от невыносимой боли.

Девушки жались друг к другу в темных и холодных углах. Одетые в лохмотья, изможденные, с

потухшими взглядами, они уже растеряли всю надежду под натиском долгих издевательств и ужаса.

— Мы уже опозорены... нас всё равно все будут презирать, даже если мы выберемся отсюда...
— прошептала одна из них, уткнувшись лицом в колени, а ее голос тонул в рыданиях, полных презрения к самой себе.

У Хуа Чжао покраснели глаза, она судорожно вцепилась в рукав Цин У, а в груди саднило от жалости.

Вэнь Чжиюй неспешно подошел ближе и присел перед ними на корточки. Его голос звучал мягко, но с непоколебимой силой:

— Грязными были вовсе не вы, а те бессовестные мерзавцы, что творили это зло. Вы ни в чем не виноваты и уж тем более не испорчены. Вам просто не повезло — вы угодили во тьму.

Цин У заговорил тихим, успокаивающим тоном, заставляющим безоговорочно верить каждому слову:

— С этого дня никто больше не посмеет принуждать вас, обижать или смотреть на вас свысока.

Гу Юньхао произнес глубоким голосом:

— Мы проводим вас в безопасное место и дадим шанс начать жизнь заново, сделать новый выбор.

Су Цинъя смотрела на эту группку дрожащих, беспомощных девушек, и ее обычно холодное, твердое сердце в этот момент неожиданно наполнилось едва уловимым, нежным теплом.

Прежде она сражалась за сокровища в тайных мирах, проходила через опасности на грани жизни и смерти, искренне веря, что истинная сила заключается в превосходстве, победе и глубоком постижении Пути.

Лишь в этот момент она по-настоящему поняла:

Настоящая сила никогда не строится на том, чтобы возвышаться над людьми или угнетать слабых.

Она заключается в способности защитить этот слабый, но драгоценный свет в мире.

Лучи заходящего солнца пробились сквозь слои листвы, пролив на старый особняк теплое и

мягкое золотое сияние, которое прогнало большую часть сырости и холода.

В этих душах, так долго блуждавших во тьме, под звуки мягких утешений и в отражении твердых взглядов вновь забрезжили крошечные искорки света.

Все пятеро стояли плечом к плечу, переглядываясь со спокойным пониманием, сплоченностью и нежностью во взорах.

Они лишь возвращались домой и остановились передохнуть по пути, но случайно столкнулись с человеческим страданием и спасли его.

Оказалось, что самые драгоценные возможности в этом мире — вовсе не духовное оружие, не древние наследства и не сокровища тайных миров.

Это те, кто идет рядом с тобой, добро, которое ты способен хранить в сердце, и свет, что можно отыскать в чужих глазах.

Должным образом устроив всех спасенных девушек, пятерка наконец привела в порядок свои вещи и официально пустилась в обратный путь к Секте Линсяо.

Трехдневный срок восстановления подошел к концу: сокровища из тайного мира полностью слились с их духовной силой, каналы очистились, а меридианы пришли в гармонию. Оставалось лишь вернуться в секту, чтобы отворить Зеркало Сердца и ступить в тайные залы Павильона Свитков.

Они мчались вперед сквозь ветер в кронах деревьев, пока под ногами клубилось море облаков.

Когда же показались горные врата Секты Линсяо, окутанные дымкой бессмертной энергии, их величественный и грозный силуэт с первого же взгляда являл собой грандиозный размах великой секты с тысячелетней историей.

Стоило им только ступить на территорию секты, как они сразу же уловили легкое, едва заметное напряжение в воздухе.

Многие проходящие мимо ученики бросали на них скрытые взгляды, перешептываясь друг с другом. Выражения их лиц были самыми разными: любопытство, попытка что-то выяснить, а также изрядная доля опаски и выжидания.

Цин У, Гу Юньхао и остальные слегка нахмурились, а их взгляды потяжелели.

Лишних слов не требовалось — они сразу догадались: буря в тайном мире примчалась в секту гораздо раньше них самих.

Их догадки оправдались.

Лин Сюэвэй вернулась в секту раньше остальных и, едва переступив порог внутреннего двора, напрямик направилась в Зал Старейшин.

Вся в грязи, обливаясь слезами, она расписала старейшинам в самых ярких красках жалобную историю, выставив себя безвинной жертвой чужих издевательств и унижений. При этом она очернила всех пятерых, представив их наглыми бандами хулиганов, которые использовали численное преимущество и бесчинствовали в тайном мире.

Каждое ее слово и фраза намекали на то, что Второй Старейшина проявил пристрастность и покрывал злоумышленников, из-за чего она и претерпела столько обид.

В Зале Старейшин воцарилась тяжелая атмосфера.

Семья Лин Сюэвэй имела немалый вес и влияние внутри секты, и ее истерика действительно создала немалое давление на старейшин.

Однако при мыслях о Втором Старейшине...

Все старейшины хранили молчание.

Второй Старейшина обладал выдающимися природными талантами и сокрушительной силой. В тайных мирах он раз за разом добывал для секты великие сокровища и возможности, а его характер, одаренность и нравственные качества делали его первым среди молодого поколения — ключевой фигурой, способной повести Секту Линсяо к еще большим вершинам в будущем.

Ради такой фигуры, даже если бы он и впрямь проявил некоторую предвзятость, секта никогда не стала бы наказывать и тем более оскорблять столь бесценного мастера с безграничным потенциалом ради избалованной и капризной Лин Сюэвэй.

Взвесив все за и против, старейшины в итоге лишь отделались парой мягких утешений в адрес Лин Сюэвэй, сказав всё общими фразами без какой-либо конкретики: они не стали ни наказывать Цин У и остальных, ни строго карать ее саму.

Этот инцидент замяли, оставив его на поверхности мирным, но подспудно заставив течения скрыто бурлить.

Ненависть в сердце Лин Сюэвэй вспыхнула с новой силой, превратившись в чудовищное ожесточение, однако буйствовать в Зале Старейшин она уже не смела. Ей пришлось сжать зубы и отступить ни с чем.

Этот счет она уже накрепко засела в памяти, записав его на счет всей пятерки во главе с Цин У.

Гу Юньхао равнодушно обронил спокойным тоном:

— Совет старейшин не стал углубляться в дело. Похоже, они побоялись задеть Второго Старейшину.

Су Цинъя приподняла холодный взгляд, ее голос звучал отстраненно:

— Временное затишье не значит, что буря миновала.

Вэнь Чжюй мягко кивнул, его лицо излучало умиротворение:

— Нам незачем обращать внимание на эту суету. Сначала отправимся в Павильон Свитков.

Хуа Чжао неотступно следовала за Цин У, тихая и послушная. Не произнося ни слова, она лишь легонько сжимала его рукав, а ее глаза светились абсолютным доверием.

Цин У тихо произнес:

— Пойдемте, не будем позволять посторонним людям задерживать нас по делу.

Пятеро больше не задерживались и уверенно зашагали вглубь Секты Линсяо.

Миновав череду величественных чертогов и перекинув мостики через духовные источники, они вышли к грандиозному древнему терему, который безмолвно возвышался в самом сердце схождения всех духовных веней.

Изогнутые карнизы, расписные балки, переплетение древнего камня и дерева, пропитанных тяжелым дыханием веков — эта многоярусная громадина уходила под самые облака, сохраняя архаичное и торжественное величие.

На вывеске мощными старокитайскими иероглифами значилось Павильон Свитков, и в них едва уловимо мерцало духовное сияние, вызывая невольное благоговейное трепетание при первом же взгляде.

Здесь и таилось истинное основание Секты Линсяо.

Павильон Свитков.

Это был вовсе не внешний тайный мир, а самое священное и важное место внутри самой секты.

Обычным ученикам было трудно даже приблизиться к нему — войти сюда позволялось лишь тем, кто обладал великой предрасположенностью и получил двойное признание: со стороны небес и со стороны секты.

Гу Юньхао посмотрел на древний павильон и тихо сказал:

— Сокровища, добытые в тайном мире, — это ключ к входу в Павильон Свитков. Прошло три дня, наша духовная сила слилась с ними, и сегодня мы можем отворить Зеркало Сердца.

Оказалось, что ядро Павильона Свитков изначально составляло Зеркало Сердца, а само зеркало служило духовным сердцем Павильона. Они были единым целым: стоило активировать одно, как пробуждалось другое.

Цин У поднял руку, и на его ладони вспыхнул легкий свет — Зеркало Чистого Сердца без Изъяна беззвучно выплыло наружу, окутав его тело мягким духовным сиянием.

Су Цинъя, Вэнь Чжияй, Хуа Чжао и Гу Юньхао также одновременно подняли руки, активируя собственные сокровища.

Пять потоков духовного света переплелись, взмыли ввысь и вступили в тончайший, но мощный резонанс со старинным Павильоном Свитков.

Гуу-у...

Врата древнего павильона мелко завибрировали и со скрипом распахнулись внутрь.

Из дверного проема струился мягкий свет, и на звук стремительно вышла молодая ученица в светло-зеленом платье секты. Выглядела она миловидно, а держалась почтительно.

Она была дозорной ученицей, приставленной охранять Павильон Свитков. В обычные дни даже прямым ученикам внутреннего круга запрещалось приближаться сюда без позволения.

Заметив пятерку, девушка сначала удивилась, но тут же быстро сложила руки в поклоне, переполнив голос почтимостью:

— Приветствую старших братьев и старших сестер. Глава павильона уже отдавал распоряжение: если появятся вы, можете входить внутрь без доклада и не подчиняясь никаким правилам.

Говоря это, она невольно бросила на них еще один взгляд, не в силах скрыть изумление.

За всю историю молодого поколения Секты Линсяо лишь эта пятерка удостоилась личного приказа главы павильона пропускать их без лишних церемоний.

Цин У слегка кивнул, его голос звучал мягко:

— Благодарю за труд, младшая сестра.

Девушка поспешно опустила голову и добавила вполголоса:

— Что вы. Просто... старшая сестра Лин Сюэвэй тоже пыталась прийти сюда недавно, но я не пропустила ее согласно правилам.

Услышав это, они все поняли без слов.

Лин Сюэвэй наверняка не смирилась и попыталась воспользоваться случаем, чтобы подобраться к Павильону Свитков и заполучить удачу, но ее не пустили даже за порог.

Холодный свет в глазах Су Цинъя немного померк, но сама она ничего не сказала.

Гу Юньхао бросил равнодушно:

— Мы поняли, продолжай нести вахту.

— Слушаюсь, — дозорная ученица отступила в сторону, с уважением провожая пятерку внутрь павильона.

Стоило переступить порог Павильона Свитков, как густая, древняя и неизменная на протяжении тысячелетий аура пахнула прямо в лицо, проникая в самое сердце и мгновенно успокаивая ум и дух.

Подняв глаза, они увидели бескрайние ряды книжных полок на первом этаже, тянувшиеся от самого пола до вздымающегося купола. Они уходили рядами вдаль, и конца им не было видно.

Бесчисленные пожелтевшие древние свитки, нефритовые пластинки и шелковые тайные манускрипты были аккуратно расставлены по местам. Края страниц излучали слабое духовное сияние, словно они обладали собственной живой душой.

Воздух был пропитан тонким ароматом чернил, старого дерева и свежести целебных трав. Было так тихо, что можно было расслышать едва уловимый звон циркулирующей духовной

энергии.

Это место никогда не состояло из одних лишь книг.

В углах стояло древнее оружие — покрытое патиной, но источающее сдержанную мощь, а на кончиках копий и лезвиях мечей мерцал текучий свет. Между балками были вмонтированы теплые духовные нефриты, чьи искорки подпитывали энергией весь павильон. Земля была исчерчена плотными узорами древних защитных формаций, скрывавшими в себе свойства обороны и закалки. У окон висели старинные колокольчики и охранные артефакты, позванивающие в тишине мелодичным и успокаивающим звоном безо всякого ветра.

Каждый кирпичик, каждая линия и каждый предмет экспозиции хранили в себе тысячелетнюю преемственность и наследие Секты Линсяо.

Вэнь Чжияй неспешно подошел к одному из стеллажей и легонько провел пальцем по древнему фолианту. Страницы тут же ответили мягким лазурным светом, обнажая полупрозрачные отрывки древних массивов, от которых веяло непостижимой, глубокой тайной.

Взгляд Гу Юньхао упал на парящую звездчатую нефритовую пластинку, внутри которой, казалось, скрывалось целое звездное небо. Это был редчайший свод пространственных секретных искусств, который незримо резонировал с его Печатью Тайного Мира Пустоты.

Су Цинъя сразу посмотрела на запечатанный льдом длинный меч в углу. От клинка исходил пронзительный холод, состоявший в кровном родстве с ее Кнутом, Заковывающим Душу Морозным Инеем — это было наследие высшего ледяного искусства меча.

Рядом с Цин У тихо парила лotosовая лампада с мягким пламенем, способным умиротворять дух и очищать от демонических наваждений — это был Лotosовый Светильник Умиротворения Сердца, идеальная пара для Зеркала Чистого Сердца без Изъяна.

Хуа Чжао с любопытством разглядывала целебную траву, тихонько росшую в нефритовом горшке. Ее листья переливались мягким сиянием, а чистая и теплая аура питала душу и укрепляла сознание — это было редчайшее в мире растение, успокаивающее дух.

Хотя никто из них еще не забрал ничего себе, они уже отчетливо чувствовали:

Все эти вещи были заготовлены Павильоном Свитков специально для них в качестве их личных возможностей.

Гу Юньхао произнес тихим голосом:

— Павильон Свитков разделен на девять этажей. Чем выше поднимаешься, тем ценнее дары и тем опаснее испытания. То, что мы смогли ступить сюда — уже двойное признание секты и

небес.

Лицо Хуа Чжао сияло от любопытства, она легонько держала Цин У за рукав, не смея шуметь и нарушать это торжественное спокойствие.

Взгляд Су Цинъя оставался сосредоточенным, аура холода вокруг нее сама собой слегка приглушилась, пока она внимательно следила за циркуляцией формаций и духовных жилок внутри павильона.

Все пятеро неспешно продвигались по центральному проходу. Под ногами холодил древний камень, а по обе стороны источали аромат старинные свитки.

Между книжными полками то и дело попадались светящиеся нефритовые пластинки, дремлющие шкатулки сокровища и осколки артефактов — всё это было высшим благом, о котором ученики внешнего круга не смели даже мечтать.

Как только они добрались до самого центра павильона, где духовные жилы сплетались наиболее густо, весь Павильон Свитков вдруг издал низкую, глухую и далекую вибрацию.

На земле из глубины проступили бесчисленные золотые узоры, переплетающиеся в огромный и величественный круглый массив. Духовный свет медленно поднялся снизу вверх, окутывая пространство легким туманом.

Зеркало Чистого Сердца без Изъяна на ладони Цин У неожиданно вырвалось из-под контроля, взмыло в воздух и прочно зависло прямо в центре формации.

Поверхность зеркала мгновенно распустилась мягким, но беспредельно грандиозным сиянием, накрывая всех пятерых целиком.

— Сила Зеркала Сердца активировалась до конца, — с легким напряжением произнес Гу Юньхао.

Цин У поднял взгляд на зеркало, его голос был тихим и твердым:

— Зеркало Сердца отражает истинное ядро духа и помогает преодолеть сердечные бедствия. Скоро начнется иллюзия, не паникуйте — просто держитесь за свое истинное я».

Его слова едва успели затихнуть, как сияние зеркала резко взметнулось вверх.